

Гаранс Сольвер

18+

О незримом
свете,
надежде
и борьбе

САКУРА
ЦВЕТЕТ И
ПО НОЧАМ

Гаранс Сольвег
Сакура цветет и по ночам
Серия «Имена. Зарубежная проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74014837

Сакура цветет и по ночам: Москва; 2026

ISBN 978-5-389-33499-1

Аннотация

«Сакура цветет и по ночам» – честная, оглушающая книга о болезненных взаимоотношениях Китая и Японии, об удивительном пересечении человеческих судеб в хаосе войны и отчаянной борьбе за жизнь.

Япония, 1993 год. В то утро в больнице Киото Юна не ожидала, что примет в качестве первой пациентки свою сестру Аму, с которой они не виделись более тридцати лет. Ама смертельно больна и срочно нуждается в пересадке костного мозга от близкого родственника. Но когда Юна ищет подходящего донора, приходит новое откровение, которое переворачивает все с ног на голову: Ама была дочерена.

Чтобы спасти сестру, Юна отправляется по следам своей семьи на северо-восток Китая, где полвека назад располагалась империя Маньчжоу-Го. Пока она даже и не подозревает, что раскроет один из самых жестоких и мучительных секретов Второй мировой войны.

Содержание

Пролог	5
Юна	8
Хироми	13
Юна	19
Хироми	24
Юна	30
Хироми	33
Хироми	38
Юна	41
Хироми	46
Юна	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Гаранс Сольвег

Сакура цветет и по ночам

«Лишь память о прошлом помешает ему повториться».

Мэри Линн Брахт, «Белая Хризантема»

Garance Solveg

LES CERISIERS FLEURISSENT AUSSI LA NUIT

Published by arrangement with Lester Literary Agency

© 2025, Charleston, une marque des éditions Leduc, 2025,
76, boulevard Pasteur, 75015 Paris – France

© Гусакова Е., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-КА», 2026

Пролог

Маньчжурия, 13 декабря 1944 года

Она должна изгнать воспоминание о произошедшем.

Сделать свою память непроницаемой, будто лед зимой на Сунгари¹.

Стереть оскорбления солдат, все еще звучащие в голове. Образы любимых, с которыми ее разлучили чёртовы японцы.

Девушка вернулась к мыслям о грузовике, в который погрузили ее товарищей по несчастью и ее саму. Они выехали из Харбина более часа назад. Куда же их везут?

Кузов окутан тьмой. Она едва различает силуэты других людей – и все же видно: все боятся пошевелиться, несмотря на усиливающийся с каждой минутой холод. Полная тишина, слышен лишь кашель солдат, которым поручено за ними надзирать. И тихий плач младенца на руках у матери, он будто понимает, что малейший крик может вызвать в ответ непостижимую жестокость; ей так жаль малютку.

Внезапно грузовик тормозит. Хриплые голоса резко выкрикивают приказы на японском. Судя по всему, это пропускной пункт. Машина снова трогается и едет еще пару минут, прежде чем окончательно замереть.

¹ Река на северо-востоке Китая, правый приток Амура.

Задние дверцы со скрипом открываются, яркий луч прожектора пронзает сумрак. Чьи-то загрубевшие руки хватают и волокут пленников наружу.

Девушка ошеломлена, щурится от яркого света.

Зрелище, представшее ее взгляду, не похоже ни на что виденное ранее, она и помыслить о таком не могла.

Двор за высокой оградой.

Несмотря на ночь, все вокруг ослепительно белое.

Белая земля под застывшим мерцающим снегом.

Клубы белого густого дыма, вихрем уносящиеся в небо над оградой.

Безжалостный белый свет прожекторов, в котором под ударами плетей к центру двора плетется человеческий скот.

Машина, на которой ее привезли, – одна из многих, если судить по количеству мужчин, женщин и испуганных детей, продрогших в своих одеждах, слишком легких для сибирских температур.

Слышна китайская и корейская речь, обрывки русского, испуганный шепот, который быстро стихает под ударами хлыста.

Она сгибается пополам в приступе кашля. Запах дыма... Ни на что не похожий. Густой и зловонный дым щиплет глаза, пронзает горло и отравляет легкие. Она трет покрасневшие глаза и переводит дух.

В паре шагов от нее дрожит мальчик. На нем плетеные сандалии и изношенная курточка. Его беспокойный взгляд

скользит по двору, словно кого-то ищет – возможно, мать. Он так похож на ее младшего брата, что ее сердце сжимается при виде детского горя и из-за собственной беспомощности.

Все же кое-что она может сделать.

Хотя она совсем продрогла и ей кажется, что она летит в ледяную бездну, она снимает свою дорогую шубу и закутывает в нее мальчика.

Когда тот поднимает к ней свое испуганное личико, к ним бросается солдат.

Вырвав шубу у ребенка, он властно набрасывает ее на плечи девушки и ведет ее в сторону, к бетонному зданию на другой стороне двора.

В его действиях нет никакого покровительства, думает она, вздрагивая. Это лишь пугающий знак того, что с ней будут обходиться иначе.

Губы солдата растягиваются в насмешливой улыбке:
– Тебе сюда, принцесса.

За спиной закрываются тяжелые стальные двери. И когда она оказывается в ярко освещенном зале с резким запахом эфира, к ней приходит уверенность. Все пережитое до сих пор – лишь бледная тень того, что уготовлено ей здесь.

Юна

Киото, Япония, май 1993 года

Я долго мечтала восстановить отношения с сестрой. Представляла, как она ни с того ни с сего мне позвонит, ответит наконец на мои письма. Или я столкнусь с ней на улице, она тепло мне улыбнется, и мы вместе пойдем в ближайшую кондитерскую, чтобы полакомиться яцухаси, нашим любимым печеньем с корицей.

Все будет как раньше.

Надеялась, что годы, почти тридцать лет молчания, сгладили мою ошибку.

Я и подумать не могла, что наша встреча состоится в отделении гематологии центральной больницы Киото, когда я открою дверь кабинета, чтобы пригласить первого пациента по записи.

– Госпожа Масао?

Ко мне подходит женщина лет сорока, ее ведет под руку мужчина, вероятно муж. Несмотря на бледность, худобу и платиновый парик с розовыми прядями, я мгновенно ее узнаю. Сердце замирает.

Согнувшись в поклоне, мужчина с нарочитой вежливостью приветствует меня:

– Доктор Такеши, большая честь с вами познакомиться.

Я по привычке указываю супругам на кресла напротив стола. Ничто во взгляде женщины, кажется, не намекает на то, что меня узнали.

Я наверняка ошиблась. Изо всех сил я надеюсь, что ошиблась.

Но мужчина кладет на стол историю болезни, он делает это с тем почтением, которое большинство людей по привычке выказывают в присутствии врача.

– Мы видели документальный фильм о вашей работе по телевизору, – робко произносит он. – Говорят, вы лучшая в Японии по трансплантации костного мозга, а моя жена... – Он осекается. Так часто ведут себя пришедшие в этот кабинет. Пациенты и их близкие испытывают трудности с тем, чтобы произнести вслух название болезни, как будто бы назвать ее все равно, что впустить в свою жизнь. Он кашляет, а затем бормочет: – Вот я и подумал, что вы точно сможете помочь Аме.

Ама. Эта уменьшительная форма имени пронзает мне сердце. Раньше я звала так свою сестру.

Пытаясь отвлечься от нахлынувших эмоций, я листаю историю болезни.

Аматэрасу Такеши, в супружестве Масао, родилась десятого августа тысяча девятьсот сорок пятого года в Харбине, Маньчжурия.

Никаких сомнений. Новая пациентка точно моя сестра.

– Аматэрасу, – с трудом произношу я.

Она не отвечает, сосредоточенно разглядывает стену за моим столом. Ее взгляд скользит мимо портрета нашего отца, доктора Хадзимэ Такеши. А вот большая коллекция детских рисунков, которой я обязана своим самым юным пациентам, надолго приковывает ее внимание. На одном из них изображена я – летящей по небу как Астробой, с вытянутым кулаком и триумфом на лице. На губах Амы мелькает беглая улыбка. Она рассеянно теревит розовые пряди на своем парике. Мне приходит в голову мысль, что парик идеально соответствует ее характеру: такой же нестандартный, как она сама.

Я снова погружаюсь в историю болезни. Лейкемия у сестры была обнаружена в марте. Ее кроветворная система была почти разрушена. Она прошла срочную химиотерапию в Токийской больнице. Хорошая клиника, конечно, но в борьбе с лейкемией больница в Киото все же остается передовой. Эта первая химия никак не повлияла на ее болезнь: та продолжила стремительно прогрессировать.

Мое сердце сжимается еще раз: Аматаэрасу до последнего ждала, прежде чем прийти на консультацию.

Судя по анализам крови, девяносто процентов ее кровяных клеток злокачественные.

– Аматаэрасу, – мягко говорю я. – Тебе срочно нужна пересадка костного мозга. Мы найдем донора.

Ее муж с надеждой смотрит на меня. Аматаэрасу кажется безучастной к происходящему, она поглощена детскими ри-

сунками на стене. На ее блузке виднеется оранжевое пятно, очевидно от еды. При мысли, что у нее могут быть маленькие дети, меня охватывает грусть. Я не решаюсь спросить об этом и продолжаю:

– Самые высокие шансы найти совместимого донора – среди ближайших родственников. – Когда я медленно наклоняюсь к ней, меня душит волнение. – Аматаэрасу, я сочту за честь стать твоим донором.

Мне бы хотелось, чтобы сестра хоть что-то сказала в ответ, посмотрела на меня, но она молчит, о чем-то задумавшись. И все же лицо ее мужа озаряет улыбка. Он медленно кивает, будто не удивился. Значит, Аматаэрасу рассказала ему о наших семейных узлах.

Я вижу, как он сжимает руку сестры. Кажется, он ее искренне любит. Я вспоминаю Кадзуо, с которым встречалась сестра, и эта мысль поднимает во мне такую волну стыда, что я краснею и опускаю голову, чтобы это было не столь заметно.

Чуть кашлянув, я продолжаю:

– Вы должны знать, что, хотя мы и сестры, вероятность того, что наши ткани совместимы, – лишь двадцать пять процентов.

Господин Масао спрашивает, чуть не поперхнувшись:

– А если вы не совместимы?

Как сказать мужчине, что женщине, которую он любит, осталось жить лишь несколько недель?

Что шансы найти совместимого донора за пределами биологической семьи близки к одному на миллион?

Я просто не могу этого сделать.

Я не говорю ему, что даже при совместимости о победе говорить рано.

Донорские клетки, которые должны будут заменить больные и запустить новую иммунную систему, могут атаковать ткани реципиента, посчитав их враждебными.

Кроме того, организм реципиента тоже может отторгнуть пересадку.

Мой долг врача – внушить пациентам достаточно надежды, чтобы преодолеть это испытание. Преодолевать ежедневно.

– В этом случае мы сделаем все, чтобы найти другого донора, – с уверенностью отвечаю я. – Я внесу вас в список срочных пациентов.

Дрожащей рукой я заполняю направление.

С сегодняшнего дня нам с Аматэрасу предстоит пройти уйму анализов, которые помогут установить нашу совместимость или ее отсутствие.

На этой стадии болезни нельзя терять ни минуты.

Хироми

Харбин, Маньчжурия, май 1944 года

Хироми затерялась в толпе, хлынувшей в большой зал отеля «Модерн».

Имя Ёсико Ватанабэ, самой популярной актрисы Маньчжоу-Го², было на устах у всех. На торжественный ужин в честь ее нового фильма собралось все высшее общество города. В просторном зале с позолоченными зеркалами рядом с богатыми китайцами и маньчжурскими аристократами сидели японские офицеры в военных мундирах. Одни шли под руку с женами, другие вывели в свет любовниц или содержанок с «цветочными» именами.

Многие из них вторили стилю Ёсико: вечерние платья по западной моде, волосы, каскадом спадающие на плечи, ярко-алая помада. Некоторые элегантные дамы предпочли традиционные японские наряды. Не только разноцветные кимоно приковывали взгляды, но и зрелищные прически, украшенные соцветиями глицинии и черепаховыми гребнями.

Хироми в последний раз проверила сумку, убедилась, что ее записная книжка и перьевая ручка на месте, и слегка коснулась омамори, маленького амулета, который она, не

² Северная провинция Китая, аннексированная японской армией в 1931 году и преобразованная в подконтрольное Японии государство.

удержавшись, спрятала поглубже в шелковом кармашке. Как обычно перед репортажем, чувство страха сменялось восторгом, приливы адреналина мгновенно вытесняли тошноту из-за недавно обнаруженной беременности.

Она быстро нашла актрису. Та восседала за столиком у оркестра в окружении видных мужчин Харбина. Ее манера хохотать до упаду понравилась Хироми: она сильно отличалась от традиционной сдержанности японок – смеясь, те старались прикрыть рот рукавом кимоно.

Молодая журналистка дожидалась девяти часов и потягивала шампанское, предложенное официантом в ливрее. В киностудии придерживались точности: госпожа Ватанабэ любила пунктуальность. Если явиться раньше времени было бы грубо, малейшая минута промедления могла бы сразу навлечь немилость.

Наконец, стрелки часов Хироми коснулись долгожданной цифры.

Решительным шагом она подошла к столику с respectable гостями. Ее волнение улетучилось, уступив место профессиональному хладнокровию. Интервью у такой знаменитости, как Ёсико, было привилегией и обернулось ревностью коллег. Хироми рассчитывала провести его на высшем уровне, к тому же она испытывала особое восхищение перед актрисой.

Каждая кинокартина с ней приводила Хироми в восторг. Фильмы были сняты в Маньчжоу-Го, в них изображалась об-

разцовая страна, где плечом к плечу жили японцы, китайцы, маньчжуры, корейцы и монголы. Пять рас³, объединенных под эгидой японской армии и Пуи, последнего императора Китая, провозглашенного императором Маньчжоу-Го.

Фильмы с Ёсико воспевали гармоничное сосуществование народов в трогательных, но не слащавых мелодраматических или патетических сюжетах, прославляющих боевой героизм. Они питали идеализм Хироми и ее веру в мечту о Великой Восточной Азии, освобожденной Японией от европейского империализма.

Особенно волновала Хироми актерская игра Ёсико, сочетавшая в себе мощь и грацию. По правде сказать, Хироми провела столько времени в кинотеатре, изучая внушительную фильмографию актрисы, что у нее почти появилось ощущение личного знакомства.

Вблизи красота Ёсико была еще блистательнее, чем на экране. Свет хрустальных люстр мягко подсвечивал ее прозрачную кожу и бликами ложился на волосах, уложенных волнами, затем терялся в складках парчового платья. На губах алела помада, единственный цветовой акцент на черно-белом лице.

– Госпожа Ватанабэ, – произнесла журналистка, низко поклонившись, – знакомство с вами – большая честь для меня. Хироми Такеши, из «Голоса Харбина».

³ В империалистической Японии другие азиатские народы считались отдельными «расами», отличными от «японской расы».

В предыдущие дни она тщательно, в ущерб сну, готовилась к этому интервью, несмотря на повышенную утомляемость первых недель беременности, и без усталости работала над общей связностью беседы.

Однако все пошло не по плану.

Насмешливым взглядом Ёсико окинула ее незамысловатый наряд – простое мужское кимоно, которое резко контрастировало с вычурными нарядами других женщин. Затем с глубоким вздохом протянула соседу руку в перчатке. Соседом оказался полковник Отака, глава «Кэмпэйтэй», могущественной военной полиции.

– Пригласите меня на танец, полковник. Умираю со скуки.

Хироми растерянно проводила их взглядом до танцевальной площадки. Для военного полковник вальсировал с поразительной грацией. В его руках актриса казалась хрупкой, словно колосок на ветру. Ни один из присутствующих мужчин не предложил Хироми присесть, и она осталась стоять на том же месте, стгорая от стыда.

Она быстро взяла себя в руки, спрятав досаду за вежливой улыбкой. Сосредоточиться на своей цели. Грубые отказы были частью ее профессии. Она приготовилась стоически ждать возвращения Ёсико, когда один из ее сотрапезников, сидящих за звездным столиком, встал, чтобы пригласить ее на танец. Хироми узнала принца Юйжэня Айсинь Гьоро, кузена императора Пуи.

В костюме-тройке с бриллиантовыми запонками принц

выглядел под стать европейскому денди. И все же опаленная солнцем кожа и раскосые до висков глаза выдавали в нем маньчжурскую кровь. В воображении Хироми возник образ: степные всадники, мчащиеся во весь опор, и бескрайние просторы на семи ветрах.

Ночную жизнь Харбина сложно было помыслить без принца – любителя маджонга и кабаре, покера и оперы. По слухам, каждую ночь он появлялся с новой спутницей, и Хироми не составило труда в это поверить. Его пухлые губы источали чувственность, а такая уверенная улыбка была свойственна красивым людям благородного происхождения.

Хотя ухаживания мужчин ей досаждали, она позволила принцу сопровождать ее к танцующим: ее охватило волнение, не связанное, однако, с чувственностью вальса.

То, что испытывала Хироми, было схоже с восторгом ученого, обнаружившего крайне редкий вид животного: как и его августейший кузен Пуи, Юйжэнь Айсинь Гьоро принадлежал к династии Цин и был потомком маньчжурских императоров, которые вот уже три века безраздельно правили всем Китаем из Запретного города⁴.

После того, как в результате государственного переворота представители династии Цин вынуждены были бежать из Пекина, Япония взяла их под свое крыло, чтоб возвести Пуи на

⁴ Дворцовый комплекс в Пекине, главный дворцовый комплекс китайских императоров начиная с династии Мин и до конца династии Цин, то есть с 1420 по 1912 год.

престол только что захваченного Маньчжоу-Го. Хотя члены династии искали забвение в роскоши и светских развлечениях, они понимали, что былое могущество уже не вернуть. Император Пуи продолжал носить желтые одежды с вышитыми на них драконами и требовал жертвенных быков, как встарь, но у него была лишь видимость власти. Все решения принимала Квантунская армия, самая престижная военная группировка Японии.

И все же близость принца позволила ей прикоснуться к тому пленительному миру, очарованию которого сложно было противиться. К Китаю, его прошлому с древними ритуалами и императорами, укрывшимися за алыми стенами огромного дворца.

Она и не представляла, что этот танец образует первую трещину в ее налаженной жизни.

Трещину, которая превратится в серьезную брешь.

А потом в пропасть.

Юна

Киото, май 1993 года

Чэнь потягивается и перекатывается на бок.

Как обычно после близости, он нежно, осторожно целует мои пальцы, один за другим.

Я лежу, широко распахнув глаза и подрагивая от удовольствия, мои чувства обострены.

Из приоткрытого окна долетает шум оживленной улицы. Время от времени мигающие вывески идзакая⁵ и залов с пачинко⁶ освещают фуюн, на котором лежат наши обнаженные тела. На крошечном столике, за которым мы ужинали, лежат остатки собы, купленной в маленьком ресторанчике на углу. Груда одежды, свернутой в небольшие рулоны, лежит у входной двери, рядом с приоткрытым чемоданом.

Хотя Чэнь немного старше меня, в его студии царит студенческая беспечность. Он кажется моложе и озорнее, и это мне по душе.

Я пришла к Чэню сразу после дежурства. Мы бы могли уехать из больницы вместе, учитывая наши графики, но мы пытаемся сохранить отношения в тайне. Доктор Чэнь Цзинь – временно откомандированный врач из китайской больни-

⁵ Разновидность японской закусочной.

⁶ Нечто среднее между денежным игровым автоматом и пинболом.

цы Шэньяна, в Киото он проходит обучение по трансплантации костного мозга. Как заведующая гематологическим отделением, я – его руководительница и непосредственная начальница; другими словами, если бы наши отношения были раскрыты, это произвело бы неблагоприятное впечатление.

Я не в силах отвести взгляд от любимого. Прожитым годам (а им под пятьдесят) не удалось стереть в нем нечто юношеское, манящее и волнующее. Хоть он и прячет свою красоту под мешковатыми, плохо подогнанными костюмами, стоит ему раздеться, она бросается в глаза, пылкая и первобытная.

Я все еще поражена, как легко пришла ко мне любовь. В мои сорок пять Чэнь – мой первый мужчина. Скажем прямо, я не красавица. В моих чертах нет ничего примечательного, а любовь к сладостям быстро одержала верх над гибкой фигуркой, которая была у меня в детстве. Кроме того, все свое время до сегодняшнего дня я посвящала учебе, работе и совершенствованию в своей области. Эта цель всегда была важнее остального.

Может быть, я не считала себя достойной любви. Но с Чэнем, увлеченная ученая, врач, посвятившая себя пациентам, какой я была, разрешила себе быть женщиной.

Я прислоняюсь лицом к любимой спине, вожу пальцем по шрамам, испещрившим ее, глубоким бороздам, которыми покрыта его янтарная кожа.

Не так давно Китай был охвачен культурной революци-

ей. Мужчина, которого я люблю, носит ее отметины. Будучи врачом, он разделил тяжелую участь интеллигенции. И провел много лет в китайской провинции «на перевоспитании» как «контрреволюционер» и «враг народа».

Он рассказал мне об этом лишь однажды.

«Это случилось со мной там», – просто пояснил он, показав шрамы на спине. Слово «это» вмещало в себя столько горя, унижения и стыда, что у меня пропал дар речи. Не в силах говорить об «этом», я пытаюсь компенсировать недостаток слов ласками, прикосновениями и любовью к этому измученному телу, которого мне всегда мало.

Я целую затылок Чэня, чувственную ямку прямо под линией волос. Его кожа дрожит под моими губами, словно пытаясь вернуть мне этот поцелуй. Мне вдруг хочется рассказать ему о сестре, о нашей внезапной встрече и о тревоге, которая начинает душить меня при мысли, что я не смогу ее спасти.

Но я не решаюсь.

Часть меня боится его разочарования. Я не готова, по крайней мере пока, рассказать о причинах, из-за которых Амаэрасу исчезла из моей жизни тридцать лет назад, когда мне было пятнадцать, а ей – восемнадцать.

А еще у меня нет желания говорить о болезни. Не сегодня вечером. Не в наше последнее свидание.

Завтра Чэнь улетает в Китай. Он добровольно участвует в кампании вакцинации в труднодоступных деревнях, это на-

ша последняя ночь перед разлукой на несколько месяцев.

После его возвращения я бы хотела познакомить его с отцом.

Собрать вместе двух самых важных своих мужчин.

И все же я бы солгала, сказав, что подобная перспектива меня не пугает.

Во время войны мои родители жили в Китае. А точнее, в Маньчжурии, на севере огромной страны. Там они и встретились.

Я не много знаю о тех годах, кроме того, что, как и остальным японцам, отъезд из Маньчжурии дался им с трудом. Они были очень привязаны к этому краю, хотя и не проявляли особенных чувств к китайскому народу. Стыдно сказать: отец – старой закалки и настолько привержен тому, что он называет «чистотой японской расы», что презирает иностранцев.

Но я уже решила представить ему Чэня и, если нужно, обойтись без его одобрения.

Пара месяцев вдали друг от друга пройдет быстро – пытаюсь себя убедить. Тем временем я должна сосредоточиться на том, что важнее.

Спасти Аму.

И насладиться последней ночью вместе.

Сила притяжения Чэня подобна приливной силе луны.

Мои поцелуи все настойчивее, грудь приподнята, а с губ слетают непристойные вздохи.

Чэнь улыбается. С проворством тигра он разворачивается ко мне и лихорадочно натягивает презерватив. Мы снова сплетаемся в объятьях. На улице темнеет, а мигание вывесок становится все ярче. Флуоресцентное свечение игриво окрашивает наши тела то в один, то в другой цвет.

Хироми

Харбин, май 1944 года

Хироми ощущала завистливые взгляды танцующих дам, обращенные к ее спутнику, их интерес, вызванный не только благородным происхождением принца или его дорогим костюмом. В ярком румянце на их щеках, в чувственных изгибах их тел, когда они вальсировали рядом с Юйжэнем Айсинь Гьоро, проглядывало их желание, обжигающее, словно пар *сенто*⁷.

Принц улыбнулся.

– Волнуетесь? – прошептал он ей на ухо.

Он говорил на японском с непонятным акцентом; среди множества голосов, ежедневно звучавших на улицах Харбина, такого она еще не слышала.

– Почему я должна волноваться? – ответила она с вызовом.

Юйжэнь слегка сжал ее в своих объятьях:

– С Ёсико иногда нелегко. – Поскольку Хироми не отвечала, он продолжил: – Если позволите дать вам совет для интервью, не будьте слишком строги. Щепотка скандала, налет дерзости – это все, что нужно людям.

Легкость, с которой он произнес эти слова, ее задела. При-

⁷ Общественная баня в Японии.

зрак войны, на мгновение забытый, явился снова. Она подумала об участившихся церемониях в память о солдатах, павших на Тихом океане. Об их останках, которые несли по улицам в жестяных коробах, перевязанных белоснежными лентами. Изюм всех сил она отгоняла вопрос, коварно проникавший в ее мысли снова и снова: способна ли Япония победить в этой войне? Она просто не могла подумать об обратном.

– Людям нужна надежда, – возразила она.

Юйжэнь весело посмотрел на нее:

– Надежда и скандал – поверьте мне.

За похождениями принца увлеченно следили секретарши из газеты, в которой работала Хироми. Поговаривали, что он якобы обрюхатил девушку из богатой китайской семьи. Обезумев от бешенства, отец девушки, по слухам, обрил голову несчастной, а затем выгнал ее из дома. Хироми содрогалась, думая о ней, беременной и испуганной. Без поддержки семьи что сулило будущее ей и ее ребенку?

– Скандал хорош, когда расплачиваются за него другие, – сухо ответила она.

На лице принца промелькнуло удивление. В течение нескольких секунд казалось, что этот укол пошатнул его уверенность в себе.

Его глаза сузились, пока не превратились в темные щелочки, и он захохотал. Пары по соседству с любопытством посмотрели на них. Кажется, сама Ёсико Ватанабэ наконец заметила Хироми и пристально вперила в нее.

Хироми и Юйжэнь вернулись к столу одновременно с Ёсико и полковником Отака. Актриса бесцеремонно толкнула соседа справа, тот сделал вид, что сейчас упадет на пол. Она похлопала по свободному сиденью, пригласив Хироми присесть.

– Госпожа Ватанабэ, – сказала та, снова поклонившись, – большая честь для меня.

И снова во взгляде Ёсико сверкнула насмешка. Актриса зажгла сигарету, с наслаждением выдохнув дым. Хироми показалось, что крошечный ребенок, свернувшийся в глубине ее живота, съежился от запаха табака. Стараясь не дышать, насколько это возможно, она вынула свой блокнот и перьевую ручку из сумки и начала бодро задавать вопросы:

– Ваш последний фильм – это история китайского бандита, отказавшегося от преступных планов ради любви прекрасной японки. Это такой поэтичный способ показать гармонию между расами, которая царит в нашем прекрасном Маньчжоу-Го?

Ёсико одним махом выпила фужер шампанского, который полковник Осака только что ей налил.

– Так и есть, – сказала она. – Впрочем, японкам не мешало бы почаще спать с китайцами. Вы как считаете, госпожа Такеши?

Хироми ошарашенно на нее посмотрела. Было наивно сводить актеров к их ролям, но пропасть между образом Ёсико в ее голове и этой женщиной, дразнившей ее с высоко-

мерной улыбкой на устах, совершенно сбила ее с толку. Она не могла расстаться с надеждой, что настоящая Ёсико, элегантность которой так ее восхищала, сейчас появится, как по волшебству, чтобы разрешить недоразумение.

И все же вульгарный ответ актрисы словно развязал языки ее спутникам. Полковник громко рассмеялся, а остальные стали обмениваться сальными шутками. Только принц Юйжэнь Айсинь Гъоро сидел молча, равнодушно допивая шампанское.

– Ну что ж, это любопытная особенность фильма, – в конце концов холодно ответила Хироми. – До сих пор героинями в кино были китайские или корейские сиротки, влюблявшиеся в прекрасного японского офицера. Почему не наоборот?

Ёсико покачала головой:

– Мадам Такеши, я шутила. Кино – это царство иллюзий. Вы считаете, что в реальной жизни уважаемая японка могла бы отдаться низшему существу, например китайцу? Кишику? С маньчжурами все иначе, конечно, – добавила Ёсико, властно накрыв рукой ногу принца. – Маньчжуры – раса захватчиков, как и мы, японцы.

Юйжэнь с непроницаемым лицом оттолкнул руку актрисы:

– Ёсико, вы пьяны.

Он бросил смущенный взгляд на Хироми, но та едва его заметила. Кишику. На нее со всей силой обрушилось это сло-

во. На японском оно значило «дикий зверь». А в более широком смысле – низшее, по отношению к японской расе, существо.

И снова что-то сжалось в животе Хироми. На мгновение она почувствовала, как погружается в крошечную тьму, такую, что возникала в родительском доме в Канадзаве, когда она задергивала шторы блэкаут, в то время как весь город заклеивал окна в преддверии воздушных атак. Ей показалось, что она теряет зрение и вокруг сгущается безмолвие.

Невероятным усилием воли Хироми удалось прийти в себя. За столом повисла мертвая тишина. К ней устремились пристальные взгляды.

– Надеюсь на это, – твердо ответила она. – Надеюсь, что в том мире, который мы строим здесь, в Маньчжоу-Го, японка сможет любить китайца.

Ёсико расхохоталась:

– Мадам Такеши, какая вы развратница!

Актриса вынула бутылку шампанского из стеклянного ведерка на столе. Она наклонилась к Хироми, дыхнув ей в лицо алкоголем. Ее губы ядовито сверкали, словно те ягоды из сада Такеши.

– Позвольте, я помогу вам остудить пыл, – прошептала она. – Или это сделает Маньчжоу-Го.

Мгновение спустя дождь из шампанского хлынул на волосы Хироми. Он полился прямо в вырез ее кимоно, заструился по позвоночнику, забрызгал блокнот, ручку и даже сумку,

испортив спрятанный амулет.

Юна

Киото, май 1993 года

Сегодня утром Чэнь улетел в Шэньян. Я сижу в своем кабинете, собираюсь посмотреть досье одного пациента, когда в мою дверь стучат.

Ко мне подходит Сэйдзи, в его руке белый конверт. С пирсингом над бровью и взлохмаченной шапкой волос молодой человек похож на бармена из модного бара. Внешний вид обманчив: доктор Сэйдзи Арухито не кто иной, как глава биологической лаборатории нашей больницы. Он из тех коллег, которых я больше всего ценю за профессионализм и серьезное отношение к делу.

Тепло его приветствую, стараясь успокоить нарастающую волну беспокойства.

– Юна, вот результаты анализов, которые вы просили сделать.

Мне показалось, или Сэйдзи чем-то смущен? Он не знает о моем родстве с Амой, но он наверняка догадался.

– Слушаю вас.

Скрещиваю руки на груди в надежде сдержать неровное биение сердца.

– Ваши и госпожи Масао антигены⁸ несовместимы. – Эта

⁸ Человеческие лейкоцитарные антигены. При трансплантации костного мозга

новость наносит сокрушительный удар.

Другими словами, мой костный мозг убил бы Аму вернее, чем ее рак. Не могу скрыть разочарования. Хотя я и знала, что шанс на совместимость у нас был один из четырех, я безумно надеялась, что смогу преподнести этот дар сестре. Испустить свою вину в ее глазах, хоть немного. Я прячу свое огорчение под маской профессиональной отстраненности:

– Спасибо, Сэйдзи.

Встаю и иду к двери, ведущей в зал ожидания; это знак, что беседа окончена.

Мне нужно побыть одной.

Отныне шансы на выживание Амы зависят в основном от неродственного донора, то есть от чужого человека.

А значит, один шанс на миллион.

Кусаю губу. Не думать об этой ужасной вероятности. Наш долг – бороться до последнего и использовать малейший шанс, каким бы ничтожным он ни был.

Мои пальцы барабают по двери, в темпе стремительно бегущих мыслей.

Начну с того, что лично позвоню в Фонд пересадки костного мозга, чтобы уточнить количество потенциальных доноров, записавшихся в Программу. Немедленного чуда ждать не приходится, но это единственное, что я могу сделать в данный момент.

Я так погружена в свои мысли, что не замечаю Сэйдзи:

он стоит не шевелясь, как будто не собирается выходить из кабинета.

– Юна? – серьезным тоном говорит он. – Есть еще кое-что.

И он решительно закрывает дверь. От волнения у меня пропадает голос.

– Что такое?

Я молюсь, чтобы у сестры не выявили дополнительных патологий.

На лице моего собеседника ненадолго появляется выражение неловкости.

– Это насчет ваших собственных анализов.

Это совершенно вылетело из головы. До того, как сестра внезапно возникла в моей жизни, я прошла полную проверку здоровья. Диабет, холестерин, маммография, эхокардиограмма, серологический тест... Классика для женщины моего возраста. Первой моей реакцией было облегчение. А мне не нужна еще одна болезнь. Если придется бороться с новым заболеванием, пусть его найдут у меня, а не у нее. Кивком головы прошу Сэйдзи продолжать.

Заведующий биолобораторией отводит взгляд.

– Мне очень жаль, – шепчет он, – но анализы выявили у вас ВИЧ. Вы инфицированы, Юна.

Хироми

Харбин, май 1944 года

Запершись в ванной комнате в своем внушительного вида особняке в японском квартале, Хироми наконец залилась жгучими слезами. От нее несло алкоголем, волосы и кимоно промокли, должно быть, на нее страшно было смотреть. К счастью, шофер не промолвил ни слова, как будто видеть хозяйку в таком виде в этот ледяной вечер начала весны было совершенно естественно. Что до Цзиньцзюй, служанки, она уехала в деревню к родным и должна была вернуться только завтра, так что Хироми не пришлось больше никому демонстрировать свой жалкий вид.

Она попыталась раздеться. Ее пальцы так дрожали, что снять свое кимоно ей удалось не с первой попытки. Она лихорадочно помылась, затем взяла полотенце и принялась так сильно растирать тело и волосы, что на коже проступили красные пятна.

Гнев, стыд, грусть разрывали ее на части. Проблема была не только в грубости актрисы и публичном унижении, которому она подверглась. На самом деле речь шла о мельчайших деталях. Ее глубоко ранили слова, которые использовала Ёсико в своей речи.

Низшая. Кишику.

Она знала, что эти ретроградные, расистские идеи еще были живы в Японии. Но услышать их в Маньчжоу-Го, на такой многоликой и податливой земле, где создается новое общество, из уст женщины, фильмы с которой пропагандируют гармонию между расами, стало для нее настоящим предательством.

Как Япония могла считать себя спасительницей Азии, если презирала так называемые освобожденные народы? Разве это не то же самое, что опуститься на уровень могущественных и столь ненавистных европейских колониальных держав? Разве Япония не рискует лишиться дружбы других азиатских народов в решающий час, когда схватка с американцами становится все ожесточеннее?

Но, кроме этого, слова Ёсико вновь открыли зияющую рану, всколыхнули болезненное воспоминание, которое не переставало, несмотря на годы, буравить сердце.

Обсохнув, Хироми почувствовала, что дышит свободнее. Она надела домашнее кимоно и пошла прямо в гостиную.

Казалось, буцудан⁹ ждал ее, глыбой возвышаясь в глубине комнате. Восседавшая за открытыми дверцами, позолоченная статуя Будды светилась во мраке. Фотографии умерших предков и памятные таблички с именами усопших стояли у ног статуи, между вазой с лиловыми ирисами и чашей с рисом.

Кишику.

⁹ Алтарь, посвященный предкам семьи.

Постыдное слово не выходило из головы.

Хироми зажгла свечу и благовония перед фотографией бабушки. Она смотрела, как спирали дыма окутывают ее лицо. Казалось, что и на том свете та лучится нежностью к своей внучке.

Несмотря на поступок Хироми.

Она встала на колени и соединила руки. Слова на китайском самопроизвольно слетели с ее уст.

– Бабушка, да пребудет в мире твоя душа, присмотри за нашей семьей. Ты столько страдала, пусть твоя душа обретет море блаженства.

Когда благовония сгорели, Хироми погасила пламя свечи рукой и в задумчивости поднялась наверх в комнату, которая служила ей кабинетом. Духовное общение с бабушкой не избавило ее от грусти, но помогло сосредоточиться.

Она села за рабочий стол, подавив желание позвонить мужу – телефоном пользовались лишь в чрезвычайной ситуации. Ее муж, высокопоставленный военный врач Хадзимэ, был еще на работе, регистрировал результаты научных экспериментов и без усталости искал лекарства от эпидемий, изнуряющих солдат.

Он никогда не забывал о своей миссии. Даже на несколько дней приезжая в Харбин к жене, Хадзимэ продолжал изучать материалы. Об этом свидетельствовали книги, появлявшиеся на полках библиотеки. Хироми часто заставляла его за чтением, на его лице лежала печать глубочайшего сосредото-

ния: он изучал научные труды о чуме, холере, тифе или дизентерии, а также работы, посвященные гематологии и переливанию крови.

Обязанности Хадзимэ были слишком важны, чтобы отвлекать его рассказом о своих злоключениях.

Как бы он отреагировал, если бы был там тогда, рядом с Ёсико Ватанабэ? Хироми знала, он не вмешался бы. А ограничился бы тем, что бросил на нее тот пристальный сосредоточенный взгляд, который так ее окрылял. Он верил в то, что она способна преодолевать трудности в одиночку. Сильному мужчине нужна сильная женщина. Разве что в ответ на кривлянье Ёсико он бы нахмурился.

Успокоившись, Хироми взяла стопку бумаги в ящике стола. Голова прояснилась, ей было жаль, что инцидент с актрисой пошатнул ее принципы. В конце концов все было очень просто: сказанное Ёсико являлось не чем иным, как заблуждениями охмелевшей женщины, вот и все. В любом случае они не отражали положения дел в Маньчжоу-Го.

Под действием внезапного прилива энергии она начала писать.

Она могла бы сдать свою статью господину Сиге, директору «Голоса Харбина», завтра.

Пусть интервью с Ёсико Ватанабэ там не будет. Она напишет восторженную статью о фильме и его ценностях. Это станет данью уважения пяти народам Маньчжоу-Го.

Японцы, китайцы, маньчжуры, корейцы, монголы. Статья

утешит каждого читателя независимо от его этнической принадлежности.

Сдав статью, она отправится напрямиком в китайский квартал. При мысли о детях из простых семей, которым она преподавала японский раз в неделю, ее сердце трепетало от нежности. Большинство из них были китайцами и маньчжурами, затесались и несколько корейцев. Ей нравилось наблюдать, как они старательно вырисовывают иероглифы, как доверчивые крошечные личики морщатся от сосредоточения, а прямодушные голоса повторяют за ней: «Мы, подданные великой японской Империи, будем верно и с любовью служить нации».

Хироми

Харбин, май 1944 года

Об унижении Хироми стало известно всему коллективу газеты. Когда молодая женщина вошла в редакцию «Голоса Харбина» на следующий день после провалившегося интервью, с ней никто не заговорил. Ее коллеги журналисты открыто ее игнорировали, а стенографистки, ритмично ударявшие по пишущим машинкам, еле сдерживали насмешливые улыбки.

Что касается господина Сиге, он тотчас же вызвал ее в свой кабинет. Неужели он собирался ее уволить? Она всегда знала, что любезность директора была лишь видимостью. Если женщина стенографистка, это еще куда ни шло, но журналистка! Опыт Хироми на фронте в качестве репортера оставил его равнодушным. Сиге согласился принять ее на работу лишь потому, что она была супругой полковника Хадзимэ Такеши, вот неприглядная правда.

Хироми поднималась в кабинет директора по лестнице со статьей в руке. Каждый шаг причинял ей боль. Ее пока незаметная беременность утомляла больше обычного – последствия ночи, проведенной за написанием статьи, – и она дала себе обещание поберечься.

– Госпожа Такеши, входите, пожалуйста.

Директор «Голоса Харбина» улыбался, сидя за роскошным столом красного дерева. Его ноги отбивали дробь по полу, что было знаком скрытого недовольства. У окна стоял другой мужчина, казалось, он сосредоточенно разглядывал улицу. Он стоял спиной к Хироми, но по осанке и пижонскому костюму она сразу же узнала принца Юйжэня Айсинь Гъоро. Тот повернулся к ней, чтобы поздороваться.

– Госпожа Такеши, – сказал он, – приношу свои извинения за ужасное поведение Ёсико вчера вечером. Она не вынесла того, что я пригласил вас на танец. Вы стали жертвой болезненной ревности, мне очень жаль.

Раскаиваясь, он не преминул сверкнуть своей ослепительной улыбкой ловеласа. Ответ Хироми не заставил себя ждать:

– Ваша подруга не может принести извинения в личном порядке?

Господин Сиге пробуравил ее взглядом.

– Ну конечно, Ваша Светлость, – пробормотал он, резко махнув рукой, – госпожа Ватанабэ прощена.

Однако казалось, ее ответ не оскорбил Юйжэня. Он бросил на Хироми пронизывающий взгляд:

– Ваш гнев справедлив.

Несомненно, он думал, что личный визит с извинениями – проявление благородства. Он был воспитан в традициях аристократии, и такой поступок, должно быть, дался ему с трудом. Но Хироми сочла его извинения унижительными.

Они заставили ее почувствовать себя жертвой.

– Благодарю, – ответила она, положив статью на стол господина Сиге, – но, чтобы меня оскорбить, нужно нечто большее. Тысячи наших солдат ежедневно жертвуют жизнью на Тихом океане. Вы правда думаете, что пара капель шампанского имеют хоть какое-то значение?

Принц побледнел, его глаза округлились. Вероятно, никто прежде не ставил его на место. Наверняка господин Сиге будет негодовать и устроит ей выговор за дерзость сразу после ухода августейшего посетителя.

Но на лице директора газеты было такое же выражение, как у принца: он молча смотрел на нее, слегка приоткрыв рот. Она осознала: то, что она приняла за ступор, было искренним беспокойством. Побледневшие мужчины неподвижно смотрели на кимоно Хироми.

На что-то в области паха.

Ее сердце сжалось от мрачного предчувствия. В тревоге она опустила голову и тоже это увидела.

На светлом кимоно, словно распускавший лепестки багровый георгин, росло кровавое пятно.

Она не успела закричать.

Боль пронзила ее живот ударом меча, и она оказалась в крошечной тьме.

Юна

Киото, май 1993 года

Пять дней. Уже пять дней я сижу дома.

Такого со мной еще не было. Я редко беру отпуск и во время нечастых каникул и выходных уезжаю из Киото, чтобы навестить в горах отца.

Меня знобит. Ощущение озноба никуда не уходит с тех пор, как я узнала об этом. Я никогда не любила матия, традиционные деревянные дома в старом городе с их постоянными сквозняками, но даже в современной комфортной квартире, где я живу, не удается согреться.

Выпотрошенные фантики от конфет, липкие стаканы и пустые бутылки из-под алкоголя копятя на низком столике. Я брожу в пижаме по квартире с всклокоченными волосами. Лишь при помощи алкоголя я могу вынести – а точнее, стерпеть – страшный удар, обрушившийся на меня. Но когда похмелье проходит, гнев сменяется на ступор.

Диабет, проблемы с сердцем, рассеянный склероз, рак.

Я бы все могла выдержать.

Только не это, только не ВИЧ и его неизбежный исход, СПИД – одно только его упоминание лишает меня сил.

Несмотря на то что я посвятила всю свою жизнь изучению человеческой крови и кровяных телец, рациональность меня

покидает, когда речь заходит о СПИДе. Я знаю, что он свирепствует среди гетеросексуалов и может передаваться через кровь. И все же в моем подсознании он остается темной, постыдной, грязной болезнью, заболеванием наркоманов, гомосексуалов и адептов девиантных практик. Уж точно не болезнью женщины сорока пяти лет, которая всего несколько месяцев назад была девственницей.

Думать о том, что смертельный вирус проник в кровь, в самую глубь моего существа, – такая пытка, что приходится принимать душ несколько раз в день. Я часами стою под горячей струей, и моя кожа краснеет и начинает шелушиться – смехотворная и совершенно бесполезная попытка избавиться от ощущения скверны, которое больше меня не покидает.

В минуты опьянения я чувствую всю ироничность ситуации.

Ирония первая в том, что у ВИЧ есть некоторое сходство с лейкозией, на которой я специализируюсь. Он тоже атакует белые кровяные тельца. Но если лейкозия лечится, по крайней мере в некоторых случаях, со СПИДом ситуация обстоит иначе. Когда он объявится, в любой момент в течение нескольких лет, моя иммунная система полностью ослабнет и я умру от одной из бесчисленных болезней, которые набросятся на мой истощенный организм. Достаточно просто насморка, чтобы меня уничтожить.

Не совсем то, чего я ожидала в следующие несколько лет.

Ирония вторая, я чуть не отказалась сдавать на него ана-

лиз. Из всего списка этот показался мне почти анекдотичным. После нескольких месяцев отношений с Чэнем я подумала, что мы могли бы обходиться без презервативов и, возможно, попробовать зачать ребенка. В моем возрасте мало шансов забеременеть, но это случается с женщинами и постарше, так почему бы не попробовать? Мечта, которая никогда не воплотится в реальность.

Я хожу кругами, словно разъяренный зверь в клетке. Одиночество одинаково необходимо и невыносимо для меня. У нас с Сэйдзи не было другого выхода: в данных обстоятельствах мы следовали стандартной инструкции. Дирекция больницы была поставлена в известность, после чего меня временно отстранили от должности, временная неопределенность без всякого горизонта.

Любовь и работа – диагноз разрушил мои мечты и все самое важное в моей жизни.

Уже в десятый раз с утра я беру телефон и набираю номер китайской больницы Шэньяна. Сойду с ума, если не удастся дозвониться до Чэня.

Сигнал плохой, большую часть времени звонки тают в пустоте. Иногда мне отвечает запыхавшийся голос, но он не понимает японского, а наши попытки говорить на английском быстро прекращаются.

Сегодня вечером мне вдруг везет. Наконец мне отвечает кто-то, кто смутно понимает английский. Сообщают, что доктор Чэнь Цзинь участвует в кампании по вакцинации жи-

телей труднодоступных деревень. В больницу он должен вернуться лишь через несколько недель. Нет, никакого способа связаться с этими деревнями нет.

Скрепя сердце, я вешаю трубку и наливаю себе очередной стакан. Моя печень болезненно сжимается, во рту вяжущий вкус алкоголя, тем хуже.

Со стаканом в руке я подхожу к панорамному окну. Обычно после долгого дежурства я не утомляю себя созерцанием города: башня Киото, вокзал, река Камо, традиционный квартал Хигасияма с мощеными улочками, храмами и садами, где когда-то жила наша семья...

Но сегодня вечером мой взгляд рассеянно блуждает по этому живописному виду, чтобы наконец задержаться на больнице, очертания которой угадываются в плотной городской застройке. Больница и пациенты, к которым мне запрещено приближаться, не говоря уже о сестре, которую я в очередной раз разочарую.

Сестре, только что переехавшей в Киото с мужем, чтобы быть поближе к больнице, где я работаю. Точнее, работала.

Одним махом я выпиваю стакан.

Одни и те же вопросы не выходят из моей головы вот уже пять дней.

Где, когда и как могла я заразиться?

Мне никогда не переливали кровь, я веду размеренный образ жизни, не употребляю наркотики. Я всегда очень осторожна, когда делаю укол пациентам. А трансплантация про-

исходит по строгому протоколу. Если маркеры *HLA* кандидатов на пересадку совпадают, мы систематически проводим тесты на ВИЧ у донора и у реципиента. Половой контакт? В таком случае меня заразил Чэнь? Или, наоборот, я подвергла его опасности, сама того не зная? Мы оба ответственно относимся к эпидемии СПИДа и всегда занимались любовью с презервативом. Хотя, думаю я, не получилось ли так, что мы потеряли контроль от эйфории? Я тщетно перебираю воспоминания. Да. Возможно. Уже не понимаю.

Где, когда, как?

Голова вот-вот взорвется.

Недалеко от Башни, словно низкопробная проститутка, примостившаяся в тени гейши, мне ухмыляется убогий квартал Суйдзин. Пальцы резко сжимают стакан. Теперь запятнана я.

Вопль бессилия разрывает мне горло, и я со всей силы бросаю стакан в панорамное окно.

Хироми

Харбин, май 1944 года

Хироми пришла в себя в спальне своего харбинского особняка. За опущенными шторами темнело. Над ней склонился Хадзимэ.

– Дорогая моя... – прошептал он, поглаживая ее волосы. Она слушала объяснения мужа.

Но и так все знала. Ее тело прекрасно знало.

Эти знаки не могли обмануть. Смесь печали и облегчения в глазах мужа. И особенно – охватившая ее зияющая пустота. Грудь опала, ощущение тяжести в животе исчезло. Столь долгожданная, драгоценная беременность внезапно прервалась. Ее чрево снова бесплодно. *Выкидыши с сильным кровотечением.* Она потеряла много крови и чуть не умерла, но все это казалось пустяком, по сравнению с потерей ребенка.

Она отвела глаза, не в состоянии выдержать взгляд Хадзимэ.

– Прости меня, – прошептала она.

Хадзимэ сжал ее руку.

– Тебе не за что просить прощения, – нежно ответил он. – Выкидыши часто случаются в начале беременности.

– Это моя ошибка. Я слишком много работала. Я уделяла недостаточно внимания...

Она замолчала, захлебнувшись рыданиями.

Обращенная к ней улыбка Хадзимэ залила светом темную комнату. Он вытер указательным пальцем слезы, катившиеся по ее щекам.

– Ты тут ни при чем. И ты станешь отличной матерью для наших будущих детей.

Она попыталась машинально подняться. Лежать без дела не входило в ее привычки. Она должна была чем-то заняться, найти дело, на которое можно отвлечься, чтобы забыть о мечте, в которую она так сильно поверила. Но голова начала кружиться с такой силой, что она в измождении упала в кровать.

Хадзимэ оставался с Хироми целую неделю. Никогда еще они не проводили столько времени вместе, с тех пор как полковник был откомандирован в Маньчжурию.

В двадцать восемь лет Хироми чувствовала себя лежащей больной. И хотя ее жизнь была в безопасности, она продолжала терять много крови. Хадзимэ регулярно менял простыни и сменные вкладыши для нижнего белья, поскольку они слишком быстро пачкались. Он давал ей тонизирующие средства, водил в туалет, помогал мыться. И никому другому не позволял отстирывать за ней пятна, а служанку Цзиньцзюй, когда она настаивала на том, чтобы его подменить, сухо выпроваживал.

Сначала Хироми оттолкнула его, она чувствовала себя слишком уязвимой. И испытывала отвращение от того, что

ему приходится участвовать в этом спектакле. Но потом она поняла, что Хадзимэ был выше этого. В его взгляде читались любовь, уважение и восхищение, столь же сильные, как и в начале их отношений.

По ночам они лежали обнявшись. Хадзимэ обещал ей, что у них будут другие дети, прелестные маленькие япончики. Его голос дышал такой уверенностью, что мечта Хироми снова становилась почти осязаемой. На мгновение она допускала мысль о том, что сможет однажды прижать маленькое горячее тельце к себе, спрятать нос рядом с его пухленькой шейкой, почувствовать, как крошечная ручка жадно хватается ее руку.

Когда Хироми проваливалась в сон, частичка ее оставалась в объятиях Хадзимэ: она продолжала чувствовать сплетение пальцев и касания ног. Ей казалось, что он не отдыхает. В какой бы час она ни проснулась, днем или посреди ночи, очнувшись от кошмара, вся в испарине, Хадзимэ был рядом во мраке комнаты, спокойный и внимательный. Он был ее якорем среди мрачных и бурных вод, в которых она барахталась после выкидыша.

И все же в глубине души она сомневалась, что заслуживает такой заботы.

Что бы Хадзимэ ни говорил, она оставалась уверенной, что спровоцировала выкидыш своим рабочим пылом.

Но больше всего ее волновало, что у мужа, известного военного врача, была иная, более важная миссия, нежели зани-

маться бесплодной женой. Она не чувствовала себя в праве так долго задерживать его у своей постели: императорская армия нуждалась в его знаниях.

Наконец она утерла слезы и согласилась отведать питательных блюд, состряпанных Цзиньцзюй на кухне, куда ее отослал Хадзимэ. Кровопотери прекратились, а ее тело снова наполнилось жизненной силой, хотя в душе она чувствовала себя все такой же несчастной.

На утро восьмого дня, когда Хироми открыла глаза, Хадзимэ сидел на краешке кровати. При виде мужа в униформе она ощутила прилив гордости. Он сделал головокружительную карьеру, и его беспрестанно повышали в звании. Три звезды сияли на его красно-золотом воротничке: он получил звание полковника. У его ног стоял черный кожаный чемодан. Хадзимэ взял в руки ее ладонь:

– Едем со мной.

Она была поражена контрастом между бравой выправкой и почти что умоляющим тоном. Хироми уже начинала по нему скучать – их следующая встреча случится лишь через месяц.

Но она подумала о собственной миссии.

О работе в газете, которая ей так нравилась.

О детях из бедных семей, которым она преподавала японский.

О том, что она должна продолжить писать и рассказывать о Маньчжоу-Го, прекрасном крае, которому необходи-

мо служить, не жалея сил.

Она принесет больше пользы здесь, в Харбине, а не в тени Хадзимэ, в заточении на далекой военной базе рядом с женами других офицеров. Это никак не помешает попыткам зачать ребенка во время поездок Хадзимэ в Харбин.

Она нежно пригладила воротник гимнастерки мужа.

– Не волнуйся за меня, – сказала она, придав голосу как можно больше твердости. – Все будет хорошо, обещаю.

* * *

Спустя несколько дней после отъезда Хадзимэ Хироми принесли сверток. Черная блестящая лакированная коробочка, а к ней – записка из нескольких строк, написанных элегантным почерком: «Дорогая госпожа Такеши, желаю скорейшего выздоровления. Юйжэнь Айсинь Гьоро».

Хироми с любопытством открыла коробочку. К глазам подступили слезы.

Намагаси.

Сколько же она не ела традиционные сладости из своего родного города, Канадзавы? Настоящие шедевры – форма и узоры на них менялись в зависимости от сезона. Десерты напоминали творение ювелира. Из крошечных кубиков лилового и нежно-зеленого желе были собраны цветки гортензии, символа грядущего июня. Хироми насчитала семь цветков; цифра семь считалась добрым предзнаменованием.

Когда она была ребенком, ее родители покупали намагаси по праздникам. Слюнки у нее текли уже от их вида – изысканной красоты, нежного аромата красных бобов, мягкой текстуры на ладони. Она смаковала их не торопясь, они таяли под языком, пока по телу не разольется сладкая нега.

Хироми уплела сладости одну за другой, проглотив их с несвойственным ей аппетитом. Когда исчез последний цветок гортензии, в отражении на дне коробки, словно в зеркале из обсидиана, она увидела собственное лицо. Она еще дожевывала, щеки были набиты, а на лице – омерзительное выражение довольства. Ее сокрушило осознание собственного ничтожества. Она лакомилась сладостями.

Хотя только что потеряла ребенка.

Хотя Хадзимэ трудится не покладая рук.

Хотя героическому японскому народу продолжают урезать паек. Сладости и выпечка исчезли с прилавков булочных уже очень давно. В начале Тихоокеанской войны еще удавалось найти тоненькие, словно лист бумаги, кусочки хлеба, украшенные еще более тонюсенькими кусочками китовой ветчины. Затем на хлеб стали намазывать пасту из красных бобов, а китовая ветчина совсем пропала с прилавков. Когда в январе она уезжала из Японии, малейший рисовый шарик считался недоступной роскошью.

Что касается армий, которые сражались в непроходимых джунглях Южной Азии, она не смела даже представить, из чего состоял их рацион.

Резким движением она захлопнула коробку.

Юна

Киото, май 1993 года

В дверь звонят. Я пытаюсь не реагировать, но продолжают безжалостно трезвонить, а затем настойчиво стучать.

Я смотрю в глазок. На слабоосвещенной лестничной клетке стоит мужчина с малышом в коляске. Должно быть, это ошибка.

Кажется, гость понимает, что я молча стою за дверью. Он подходит к глазку и четко произносит:

– Юна?

Тишина. Затем:

– Юна? Я Ёити, муж Аматаэрасу.

Внимательный взгляд на моего гостя через крошечный дверной глазок подтверждает, что это тот самый мужчина, который сопровождал Аму в больницу. Но теперь он ведет себя иначе. Он кажется смелее, чем при первой встрече, а тот факт, что он зовет меня по имени, а не «доктором», проясняет наши семейные узы, хотя обретены они были недавно.

Мой взгляд скользит от него к малышу, который дрыгает ножками под льняным покрывалом. Я вспоминаю пятна от еды на блузке сестры в прошлую нашу встречу. Значит, у Амы и Ёити есть ребенок? Горло сжимается. Я столько не знаю о жизни сестры.

Десять лет назад, в период невыносимого одиночества и ностальгии, я наняла частного детектива. От него я и узнала, что Ама стала именитым фотографом, что ее работы выставляются за границей. В то время никакого мужа на горизонте не было, и уж тем более ребенка.

Моя сестра, человек прогрессистских взглядов, старалась запечатлеть будни людей, оказавшихся на обочине японского экономического чуда. Конечно, она была на стороне буракуминов¹⁰. Люди наподобие индийских неприкасаемых оставались жертвами всевозможных дискриминаций, несмотря на официальную отмену кастовой системы в конце XIX века. Благодаря Аме их борьба за жизнь получила большой резонанс в СМИ и подтолкнула правительство прервать бездействие и запустить программу реконструкции трущоб, где теснились буракумины.

Фотографии Амы обессмертили также матерей-одиночек, вынужденных работать ночными хостес в жалких барах, чтобы свести концы с концами, бомжей в картонных домиках и больных проказой, запертых в лепрозориях, смахивающих на тюрьмы.

Я ощутила сильную гордость – ведь она была верна своим подростковым принципам, – а также собственную посредственность. Я написала ей множество писем с объяснения-

¹⁰ Каста исключенных из японского общества людей; ее представители занимались «нечистыми» профессиями: кожевенным делом, разделкой мяса, похоронными церемониями.

ми, насколько я сожалею. Она не ответила ни на одно.

– Мне нужно с вами поговорить, – настаивает муж Амы.

Перед тем как покинуть больницу, я позвонила Аме, чтобы объяснить ей, что наши стволовые клетки несовместимы и что я не смогу стать донором костного мозга. Естественно, я ничего не сказала ей об остальном. Она ответила, что это неважно. От звука ее угрюмого покорного голоса чувство вины, которое я носила в себе все эти годы, стало тяжелее. Мы найдем другое решение, убедила ее я. Иначе и быть не может.

Приоткрываю дверь, что-то бормоча, краснея от стыда, чувствуя, что от меня за версту разит алкоголем и депрессией:

– Мне искренне жаль, но я не могу...

Как раз в этот момент малыш вопит.

– Вы позволите? – говорит муж Амы, бросив на меня умоляющий взгляд. – Хорошо бы сменить ему подгузник, а на лестничной клетке это немного затруднительно.

– Пожалуйста, – неохотно киваю я, отступив в сторону, чтобы они могли войти.

Я смущаюсь из-за беспорядка, царящего в квартире, и нагромождений пустых бутылок то тут то там. Ёйти остается невозмутим. Он быстро снимает обувь. Затем ловко и умело, чему я могу только позавидовать, он вынимает пеленку из коляски, стелет ее на диванчик, а сверху кладет ребенка.

Стоит Ёйти начать вытирать малышу попу, как тот успо-

каивается. У ребенка восхитительные миндалевидные глаза и забавный серьезный вид, из-за которого новорожденные похожи на мудрых старичков. Я невольно улыбаюсь.

Ёйти ловит мой взгляд и тоже улыбается:

– Кензо, – шепчет он, – скажи привет тете Юне.

Тетя Юна. Значит, малыш – сын Амы. Которой в этом году исполнилось сорок восемь...

Взяв ребенка на руки, Ёйти целует его маленькие пухлые щечки.

– Кензо – наша последняя надежда. – Он словно прочел мои мысли. – Аме не удавалось забеременеть естественным путем. Нам посчастливилось его усыновить спустя долгие годы ожидания.

Еще несколько дней назад новость о позднем материнстве наполнила бы меня надеждой. Но сегодня она напоминает мне, что эта радость не для меня. Разве я могу даже помыслить об усыновлении, ведь через пару лет СПИД истерзает мое тело? Стоит этой мысли появиться в голове, как мне становится стыдно. Мне грустно от того, что невинный малыш, сосущий палец, пока его качает папа, может вырасти без мамы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.